

Семен Экштут

Василий Ключевский - о Николае II: Это последний царь!

Знаменитый историк предвидел Смуту и конец династии еще за 13 лет до расстрела в Ипатьевском доме.

Задолго до 1905 года Василий Осипович Ключевский предложил самодержавию стратегию антикризисных действий. Упреждающие реформы - единственный шанс избежать Смуты. Увы, Николай II не захотел услышать советы великого историка.

Весной 1898 года Ключевский написал пророческую фразу: "Россия на краю пропасти. Каждая минута дорога. Все это чувствуют и задают вопросы: что делать? Ответа нет".

Прошло 19 лет - и Николай II отрекся от престола.

Складывается впечатление, что Ключевский предвидел и это:

"История учит даже тех, кто у нее не учится; она их проучивает за невежество и пренебрежение".

Почему так актуально наследие великого историка, предвосхитившего трагедию царской семьи, - об этом размышляет доктор философских наук Семен Экштут.

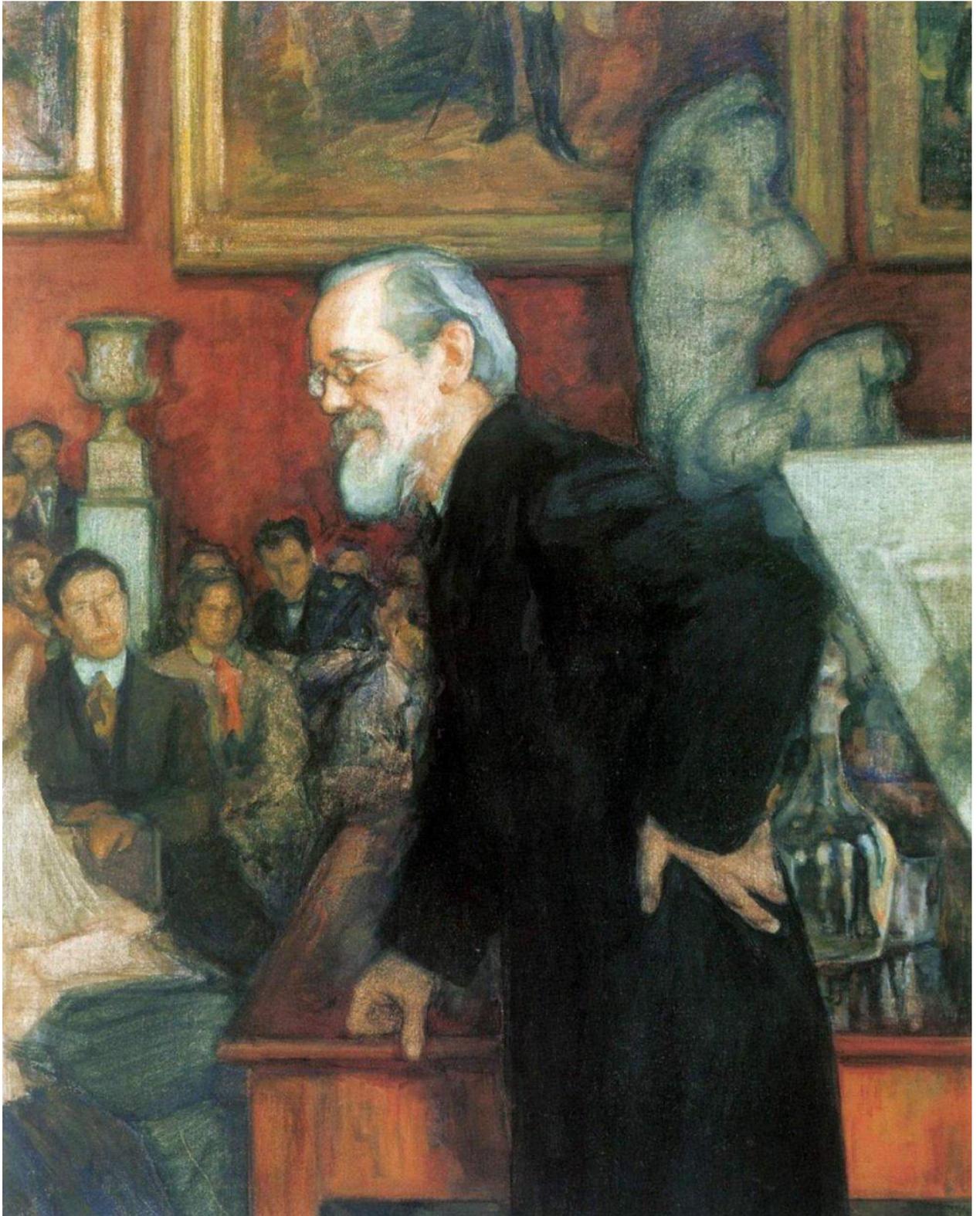
*Знать, с великого похмелья
завязалась канитель:
то ли плаха, то ли келья,
то ли брачная постель.
То ли к завтраму, быть может,
воцарится новый тать...
И никто нам не поможет.
И не надо помогать.*

Борис Чичибабин

"Смутное время"

В Татьянин день 12 января 1905 года Императорский Московский университет должен был отметить свое 150-летие. Заслуженный профессор Московского университета, ординарный академик Императорской Санкт-Петербургской Академии наук по истории и древностям русским, тайный советник Василий Осипович Ключевский заранее готовился произнести подобающую высокаторжественному событию речь.

Взяв три узких полоски бумаги и графитный карандаш, профессор стал фиксировать основную идею грядущего выступления...

*Л. Пастернак. В.О. Ключевский на лекции
в Училище живописи, ваяния и зодчества. 1909 год.*

Желудок "слабогузой интеллигенции"

"Минувшее пятидесятилетие не было спокойно. Тревожной волной текла русская жизнь, и Московский университет не раз испытывал усиленную качку, разделяя надежды, стремления, одушевление, опасения, негодование, - все настроения, сменявшиеся в русском обществе"¹.

Даже в юбилейный день знаменитый историк не собирался обходить острые углы насущных проблем и рисовать исключительно благостную картину русской жизни. Надежды периода Великих реформ Александра II давно канули в Лету. Былые надежды сменило негодование на министерский циркуляр "о кухаркиных детях" и политику Александра III. Обо всем этом Ключевский и собирался сказать. Ему были глубоко антипатичны "публичные девки публицистики"², вещавшие с кафедры в облиии профессоров и приват-доцентов и возбуждавшие студенческие умы:

"Жалкое общество широких appetitов, преждевременных геморроев, самоуверенных бездарностей, больных жен, неудавшихся карьер, обманутых надежд, потерянных голов и без толку израсходованных совестей"³.

Еще более резко он отзывался о так называемой интеллигенции. (Ключевский не любил это слово и считал его крайне неудачным):

"Слабогузая интеллигенция, которая ни о чем не умеет помолчать, ничего не любит донести до места, а чрез газеты валит наружу все, чем засорится ее неразборчивый желудок"⁴. Еще жестче историк оценивал ее революционный авангард - народников: "Чтобы согреть Россию, они готовы сжечь ее"⁵. Потому и речь, над которой работал Ключевский, предназначалась не "слабогузой интеллигенции".

В Татьянин день профессор намеревался говорить об общественном негодовании.

Но жизнь внесла коррективы. Юбилей Московского университета совпал с началом первой революции в России.

Самодержавие живых трупов

Неожиданностью для Ключевского революция не стала. В начале года, ранее 7 января 1905-го, он сделал в дневнике пророческую запись: "Народ, господа, пробуждается, протирает глаза и желает рассмотреть, кто - кто"⁶. Кровавое воскресенье ошеломило Василия Осиповича: он расценивает его как позорное черное пятно на страницах истории государства Российского. "NB. Стрельба в Петербурге - это 2-й наш Порт-Артур (согласие войск на то)"⁷. И далее: "Неудачное самодержавие перестает быть законным"⁸. Самодержавное правление, сопровождающееся поражениями без последующих военных побед или иных успехов, есть бессмыслица. За поражением под Нарвой должна следовать победа под Полтавой, иначе власть монарха утратит свою легитимность. Так утверждал историк.

Ключевский отказывается от торжественной речи, но на студенческой вечеринке 12 января произносит вещие слова о близкой гибели династии Романовых: "Это последний царь, Алексей царствовать не будет"⁹.

Слушатели были потрясены. Никто не ожидал услышать такие речи из уст тайного советника и разных орденов кавалера. Но они удивились бы еще больше, если бы могли заглянуть в потаенные записи, которые Ключевский в разное время делал карандашом в нарядной записной книжке с переплетом из черного шелка с золотым обрезом страниц, в самодельной тетради для афоризмов и на отдельных бумажных листах. На студенческой вечеринке профессор лишь резюмировал свои размышления. Соотнес историю университета с историей Дома Романовых - и сделал нелицеприятные выводы:

"Русские цари - мертвецы в живой обстановке".

"Самодержавие нужно нам пока как стихийная сила, которая своей стихийностью может сдерживать другие стихийные силы, еще худшие".

"Администрация - грязная тряпка для затыкания дыр законодательства".

"Русские цари - не механики при машине, а огородные чучела для хищных птиц".

"Цари со временем переведутся; это мамонты, которые могли жить лишь в допотопное время".

"Наши цари были полезны как грозные боги, бесполезны и как огородные чучелы. ...С Александра III, с его детей вырождение нравственное сопровождается и физическим. Варяги создали нам первую династию, варяжка испортила последнюю"¹⁰.

Сделаем паузу. "Варяжка" - это императрица Мария Федоровна, супруга Александра III и мать последнего русского царя, урожденная принцесса Дагмара Датская. С выводом профессора Ключевского охотно согласился бы "красный граф" Алексей Алексеевич Игнатъев. "Недаром грубоватый Александр III сказал как-то моему отцу, представляя ему Николая II, тогда еще подростка: "Смотрите, Алексей Павлович, как породу испортила!" - намекая на свою жену, датчанку Марию Федоровну"¹¹.

Но вернемся к Ключевскому.

"Она, эта династия, не доживет до своей политической смерти, вымрет раньше, чем перестанет быть нужна, и будет прогнана. В этом ее счастье и несчастье России и ее народа, притом повторное: ей еще раз грозит бесцарствие, смутное время"¹².

Великий русский историк делает пророческий вывод о неизбежности новой Русской Смуты, до начала которой он не доживет менее шести лет.

В разгар революции, когда вещи размышления Василия Осиповича станут достоянием собратьев по цеху, профессор Юрий Владимирович Готье напишет в дневнике:

"12/25 мая... 1918. Все более и более указаний, как много думал Ключевский о будущей революции и как пессимистически он смотрел на будущее России"¹³.

Чем же объяснялся его пессимизм?

Лекции для сына самодержца

У Ключевского не было иллюзий и по поводу бюрократии. "Бюрократия есть сила, утратившая цель своей деятельности и потому ставшая бесцельной, но не переставшая быть сильной. Вы без нее не обойдетесь или сами в нее переродитесь"¹⁴. Историк безуспешно пытался переломить ситуацию и психологически подготовить династию к грядущей Смуте.

Как?

Два учебных года, с 1 ноября 1893-го по 1 ноября 1895-го, профессор Ключевский читал в горном поселке Абастуман Тифлисской губернии (ныне Абастумани) курс "Новейшей истории Западной Европы в связи с историей России"¹⁵. У маститого лектора был один-единственный слушатель - великий князь Георгий Александрович (1871-1899), любимый брат Николая II. Великий князь болел туберкулезом, и врачи прописали ему чистый горный воздух окруженного хвойными лесами Абастумана. Он поселился здесь в небольшом деревянном домике, похожем, по словам художника Михаила Васильевича Нестерова, на подмосковную дачу в Перловке¹⁶. Домик гордо именовался великокняжеским дворцом, где Георгий Александрович жил в окружении небольшой свиты. "Живут вместе, тесным кружком, как на необитаемом острове"¹⁷.

Инициатива назначения Ключевского исходила от самого Александра III. Император познакомился с трудом французского историка Ипполита Тэна "Происхождение современной Франции": "Всего не читал, но местами - больше всего понравился язык". Познакомившись с предысторией и ходом Великой Французской революции, русский царь сделал парадоксальный вывод: "Как изображены злоупотребления монархии! А как дошло дело до террора, и эти злоупотребления показались маловажными, сносными сравнительно с ужасами 1793 г."¹⁸.

Из прочитанного Александр III извлек важнейший урок: самодержавие - это скрепляющий "агломерат народов; без него, уверен, отпадут и Финляндия, и Западный край, и Кавказ".

И царь решил сыграть на опережение: именно Ключевский должен научить его сына Георгия извлекать уроки истории. Высочайшая воля была доведена до сведения историка и конспективно закреплена им карандашом на бумаге. Профессору была предоставлена свобода преподавать ученику то, что он считает нужным. Отказаться было немислимо - и сын сельского священника Ключевский стал обучать сына самодержца. Программа исторического курса предусматривала изучение политических вопросов.

Цесаревич Георгий в Абастумане

"Надобно рассеять мнения и предубеждения самоуверенного окружающего невежества: "конституция - нелепость {Над строкой: беспорядок}, а республика - бестолочь". У России общие основы жизни с Западной Европой, но есть свои особенности. Что теперь несвоевременно, то еще нельзя назвать нелепостью; робкое предположение, что со временем мы примем европейские политические формы (и даже скоро), рано или поздно установим те же порядки, хотя и с некоторыми особенностями. Надобно исторически показать происхождение и смысл этих форм и стремлений"¹⁹. Историческое рассмотрение злободневных политических вопросов носило отнюдь не академический, а сугубо прикладной характер. После воцарения в 1894 году Николая II, в то время еще не имевшего детей, Георгий как первый в очереди на наследование престола стал носить титул цесаревича.

В одной из лекций профессор без обиняков стал говорить об ошибках Людовика XVI во Франции:

"Переворот был неизбежен, но можно было избежать революции, если бы правительство полууступками и колебаниями не выпустило дела из своих законных рук и не отдало его на произвол незаконной силы... А оно своими попытками и отступлениями сделало слишком мало, чтобы удовлетворить нуждам, и слишком много, чтобы раздражить страсти и поколебать доверие к себе, слишком мало, чтобы поправить положение дел, и слишком много, чтобы испортить настроение умов. Безопаснее было сразу стать перед народом, ожидавшим и доверчивым, чем раздраженным и подозрительным. Лучше было добровольно дать народу новый порядок, чем уступить поневоле, пойти навстречу желанием, чем отступить перед требованиями"²⁰.

Задолго до 1905 года историк предложил самодержавию стратегию антикризисных действий. Увы, в 1899 году его ученик-цесаревич в возрасте 28 лет скоропостижно скончался от туберкулеза. А Николай II не захотел слышать советы великого историка. При том что упреждающие реформы позволили бы избежать Смуты.

Ключевскому вторил князь Владимир Андреевич Оболенский: "Русское общество приняло бы эти реформы с восторгом, и правительство легко справилось бы с неизбежными в таких случаях революционными эксцессами. Но время это было упущено, а когда в стране происходит революция, положение борющихся сил меняется на протяжении не только месяцев, но недель и дней. Средства, пригодные вчера, завтра уже не годятся..."²¹

Романовы повторили былые ошибки Бурбонов.

Весной 1898 года Ключевский написал пророческую фразу: "Россия на краю пропасти. Каждая минута дорога. Все это чувствуют и задают вопросы: что делать? Ответа нет"²².

Прошло 19 лет - и Николай II отрекся от престола.

Складывается впечатление, что Ключевский предвидел и это:

"История учит даже тех, кто у нее не учится; она их проучивает за невежество и пренебрежение"²³.

В конспекте курса лекций, прочитанных Ключевским цесаревичу Георгию, есть насыщенный глубоким смыслом пассаж. Историк утверждал, что восстание декабристов 14 декабря 1825 года вскрыло принципиально новый момент в отношении России к Западу:

"До конца XVIII в. беззаботное и часто неразборчивое отношение к ней, заимствование техники военной и промышленной по нуждам государства, удобств материальных, умственных и эстетических по вкусам и прихотям отдельных лиц. Революция впервые возбудила вопрос об отношении к порядкам и понятиям политическим".

В конце царствования Екатерины и при Павле вопрос разрешался отрицательно, при Александре попытались ответить на него утвердительно и - ошиблись. Новая сторона дела: найти способ так пользоваться огнем мысли европейской, чтобы он светил, но не жегся"²⁴. (Выделено мной. - Авт.).

Василий Осипович сумел в одном предложении гениально сформулировать суть модернизации государства Российского. Уже в наше время известный петербургский историк Борис Николаевич Миронов развернул метафору Ключевского в многотомную монографию "Российская империя: от традиции к модерну"²⁵. В ней - ответ на "проклятый" вопрос: если верховная власть в течение всего Петербургского периода истории адекватно отвечала на вызовы времени, почему она не смогла избежать революции, и триколор сменился красным флагом? Профессор Миронов ссылается на теорему американского социолога Уильяма Айзека Томаса (1863-1947), который утверждал: "Если ситуация мыслится как реальная, то она реальна по своим последствиям"²⁶.

В течение десятилетий русское образованное общество культивировало утверждение: нравственная защита существующего строя совершенно недопустима, а вот культ революционной святости не подлежит никакому сомнению.

Князь Оболенский, вспоминая о своей работе в 1-й Думе, выразился по этому поводу четко: "Ведя борьбу с правительством за власть, мы продолжали еще жить психологией дореволюционной интеллигенции, боявшейся "осквернить" себя властью и для которой не власть, а "жертва" была подсознательной целью политической борьбы"²⁷. Ежесекундная готовность к "жертве" котировалась выше, чем умение достигнуть разумного компромисса с политическими противниками.

Что делать? На этот извечный русский вопрос образованное общество ответило без обиняков: всемерно разрушать Российскую империю, а не способствовать ее модернизации.

"Слабогузый интеллигент" позиционировал самого себя как реальную силу, способную предъявить ультиматум власти. Иллюзорность подобных претензий отметил Ключевский: "Холопство перед своим собственным величием, притом совершенно призрачным, болезненным продуктом своего же воспаленного воображения"²⁸. Ровно за 20 лет до победы большевиков Василий Осипович вынес суровый вердикт: "Так гордый русский интеллигент очутился в неловком положении: то, что знал он, оказалось ненужным, а что было нужно, того он не знал"²⁹.

Из-за этого по определению исключался любой диалог между властью и гражданским обществом. Слово уже нашему современнику, профессору Миронову:

"Уровень жизни всех социальных слоев повышался, но потребности росли еще быстрее. Все социальные и профессиональные группы постоянно хотели больше того, что реально возможно было иметь при тогдашних экономических и финансовых ресурсах, низкой общей культуре населения и невысокой производительности труда. Это создавало беспрецедентную социальную напряженность в обществе, особенно в образованной ее части"³⁰. Стоило Российской империи столкнуться с неблагоприятными форс-мажорными обстоятельствами Первой мировой войны - и общество не справилось с процессом перехода от традиции к модерну. Наступила Русская Смута, о которой предупреждал и рецепт спасения от которой знал Василий Ключевский.

1. Ключевский В.О. набросок речи, посвященной 150-летию Московского университета. До 12 января 1905 г. // Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. М.: Наука, 1983. С. 197.
2. Ключевский В.О. Афоризмы и мысли об истории // Ключевский В.О. Соч. в 9 т. Т. IX. Материалы разных лет. М.: Мысль, 1990. С. 382.
3. Там же. С. 402.
4. Там же. С. 415-416.
5. Там же. С. 382.
6. Ключевский В.О. Дневники и дневниковые записи // Ключевский В.О. Соч. в 9 т. Т. IX. С. 350.
7. Там же.
8. Ключевский В.О. Афоризмы и мысли об истории // Ключевский В.О. Соч. в 9 т. Т. IX. С. 443.
9. Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. С. 382; Киреева Р.А. Послесловие // Ключевский В.О. Соч. В 9 т. Т. IX. С. 457.
10. Ключевский В.О. Афоризмы и мысли об истории // Ключевский В.О. Соч. в 9 т. Т. IX. С. 382, 383-384, 414, 442.
11. Игнатьев А. А. Пятьдесят лет в строю. М.: Воениздат, 1986. С. 305.
12. Ключевский В.О. Афоризмы и мысли об истории // Ключевский В.О. Соч. в 9 т. Т. IX. С. 443.
13. Цит. по: Лолий. Ключевский о России // Независимая газета. 1992. 12 ноября. С. 5.
14. Ключевский В.О. Дневники и дневниковые записи // Ключевский В.О. Соч. в 9 т. Т. IX. С. 350.
15. Нечкина М.В. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М.: Наука, 1974. С. 325, 330.
16. Нестеров М.В. О пережитом. 1862 - 1917 гг. Воспоминания. М.: Молодая гвардия, 2006. С. 292 (Близкое прошлое).
17. Ключевский В.О. Дневники и дневниковые записи // Ключевский В.О. Соч. в 9 т. Т. IX. С. 307.
18. Ключевский В.О. Дневники и дневниковые записи // Ключевский В.О. Соч. в 9 т. Т. IX. С. 307.
19. Ключевский В.О. Дневники и дневниковые записи // Ключевский В.О. Соч. в 9 т. Т. IX. С. 306.
20. Ключевский В.О. "Новейшая история Западной Европы в связи с историей России" (конспект) // Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. С. 206-207.
21. Оболенский В.А., князь. Моя жизнь и мои современники: Воспоминания. 1869 - 1920: в 2 т. Т. 1 / вступ. ст. и коммент. К.А. Соловьева. М.: Кучково поле, 2017. С. 328 (Живая история). Разбор этих мемуаров - в одном из следующих номеров "Родины".
22. Ключевский В.О. Афоризмы и мысли об истории // Ключевский В.О. Соч. В 9 т. Т. IX. С. 417.
23. Ключевский В.О. Дневники и дневниковые записи // Ключевский В.О. Соч. В 9 т. Т. IX. С. 307.
24. Ключевский В.О. "Новейшая история Западной Европы в связи с историей России" (конспект) // Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. С. 273.
25. Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. Т. 1. СПб: Дмитрий Буланин, 2014. 896 с. Миронов Б.Н.

- Российская империя: от традиции к модерну. Т. 2. СПб: Дмитрий Буланин, 2015. 912 с. Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. Т. 3. СПб: Дмитрий Буланин, 2015. 992 с.
26. Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. Т. 1. СПб: Дмитрий Буланин, 2014. С. 257.
27. Оболенский В.А., князь. Моя жизнь и мои современники: Воспоминания. 1869 - 1920: в 2 т. Т. 1. С. 466.
28. Ключевский В.О. Афоризмы и мысли об истории // Ключевский В.О. Соч. В 9 т. Т. IX. С. 404.
29. Ключевский В.О. Об интеллигенции. 30 ноября 1897 г. // Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. С. 307.
30. Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну". Т. 3. СПб: Дмитрий Буланин, 2015. С. 739.

Родина - № 718 (7) - 2018